

УДК 1(091)

КАНТ В РУССКОМ ПОЛИЦЕЙСКОМ ПРАВЕ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Д. О. Рожин¹

Вне поля зрения историков русской философии еще остаются неопубликованные материалы, способные высветлить неизвестные аспекты рецепции кантовской философии в России. Один из таких материалов, публикуемый в приложении к этой статье, обнаружен в архиве Б. В. Никольского, где он фигурирует под названием «Статья С.В. по поводу 100-летия смерти Иммануила Канта. 1904 г.». Он посвящен кантовской философии права, истоки которой возведены к Французской революции. Кроме того, автор рукописи заявляет о влиянии правовой концепции Канта на становление науки полицейского права реформы Александра II. Наконец, обращает на себя внимание и то, что автор называет Канта «националистом по личным качествам» и одновременно «гением всемирным по учению», чьи идеи сохраняют актуальность спустя сто лет. Текстологический и историко-философский анализ рукописи позволил идентифицировать ее автора – им оказался профессор полицейского права Санкт-Петербургского университета С. В. Ведров, об интересе которого к философии Канта до сих пор не было известно. Для реконструкции позиции Ведрова по отношению к кантовской философии права в целом и установления ее истоков рассматриваются взгляды его коллег и наставников – Б. В. Никольского, И. Е. Андреевского и К. А. Неволлина, проявивших, каждый по-своему, интерес к взглядам кёнигсбергского мыслителя. Таким образом, в философскую историографию вводятся имена и идеи, ранее не учитывавшиеся при исследовании рецепции философии Канта в России.

Ключевые слова: Кант в России, С. В. Ведров, И. Е. Андреевский, Роберт фон Мольте, К. А. Неволлин, Б. В. Никольский, правовое государство, полицейское право, философская рецепция

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 10.01.2025 г. doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-5

KANT IN RUSSIAN POLICE LAW: UNKNOWN PAGES

D. O. Rozhin¹

Outside the view of historians of Russian philosophy there are still unpublished materials that can illuminate unknown aspects of the reception of Kant's philosophy in Russia. One piece of such material, which is published in the appendix to this article, was found in the archive of B. V. Nikolsky, where it is titled "Article by S.V. on the Occasion of the Centenary of Immanuel Kant's Death. 1904". It is devoted to Kant's philosophy of law, the origins of which are traced back to the French Revolution. In addition, the author of the manuscript claims that Kant's legal conception influenced the development of the science of police law and the reforms of Alexander II. Finally, it is interesting to note that its author describes Kant as "a nationalist in terms of personal qualities" and "a world genius in terms of his doctrine", a doctrine whose ideas had not lost their relevance a hundred years after his death. Textological and historical-philosophical analysis has established the identity of its author. He was S. V. Vedrov, Professor of Police Law at St. Petersburg University, previously not known to be interested in Kant's philosophy. To reconstruct Vedrov's position on the Kantian philosophy of law in general I look at the views of his colleagues and mentors: B. V. Nikolsky, I. E. Andreyevsky and K. A. Nevolin, each of whom had in their own way exhibited an interest in Kant's doctrine. This introduces into the history of philosophy new names and ideas previously ignored in the research of the reception of Kant's philosophy in Russia.

Keywords: Kant in Russia, Sergei Vedrov, Ivan Andreyevsky, Robert von Mohl, Konstantin Nevolin, legal state, police law, philosophical reception

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia. Received: 10.01.2025. doi: 10.5922/0207-6918-2025-1-5

В 1904 г. в России широко отмечалось неординарное событие — 100 лет со дня смерти Иммануила Канта. По этому поводу состоялись торжественные заседания в различных научных обществах и были изданы разнообразные заметки и публикации о кёнигсбергском философе (см.: Введенский, Рожин, 2024, с. 150–153). В архиве рукописей русского литератора, поэта, политического деятеля и ученого-правоведа Бориса Владимировича Никольского (1870–1919) (см. о нем: Ерёмин, 2020) хранится манускрипт, названный, скорее всего фондообразователем, как «Статья С. В. по поводу 100-летия смерти Иммануила Канта» (Статья, 1904). Авторский заголовок содержит только день смерти Канта по старому и новому стилям и указание на юбилейный год: «30 января / 12 февраля 1904 г.». Помимо того, что данный текст имеет загадочное авторство — в конце рукописного текста фамилия автора вымарана, оставлены только инициалы «С. В.», он примечателен еще и тем, что здесь в заслугу кантовской теории правового государства ставятся реформы, проведенные Александром II, в частности отмена крепостного права (см. ниже, с. 123).

Сам Никольский, в чьем распоряжении по неизвестным причинам оказалась публикуемая рукопись, был убежденным монархистом и консерватором, с 1903 г. — членом «Русского собрания» (см.: Шимбирёва, 2019), придерживался славянофильских взглядов, а идеалом русского правителя считал не Александра II, а Александра III, проводившего политику монархической реакции (см.: Стогов, 2020, с. 273–279). Вместе с тем к философии у Никольского было трепетное отношение. Он увлекался чтением философской литературы и к концу жизни собрал большую библиотеку, в которой целый шкаф отводился под философские сочинения, где среди прочих были работы Канта, Ницше, Гоббса и Шопенгауэра (Никольский, 2015б, с. 259).

In 1904 the centenary of Kant's death was marked in Russia on a lavish scale. Gala meetings were held in various scholarly societies and various articles were published about the Königsberg philosopher (see Vvedensky and Rozhin, 2024, pp. 150–153). The archive of manuscripts owned by Boris V. Nikolsky (1870–1919) (on this person see Yeryomin, 2020) contains a manuscript entitled, (apparently by the collector of the find) “Article by S. V. on the Occasion of the Centenary of Immanuel Kant's Death” (S. V., 1904). The author's title contains only the date of Kant's death according to the Old and New Styles and an indication of the jubilee year “30 January / 12 February 1904”. The author of the text is enigmatically referred to by the initials “S.V.” Interestingly, the author believes that the Kantian theory of the legal state was an inspiration of the reforms carried out by Alexander II, notably the abolition of serfdom (see below, p. 122).

Nikolsky, in whose possession the manuscript in some mysterious way came to rest, was a convinced monarchist and conservative and a member of the Russian Assembly (see Shimbireva, 2019) since 1903. He was a Slavophile for whom the ideal Russian ruler was not Alexander II but Alexander III, who pursued a policy of monarchist reaction (see Stogov, 2020, pp. 273–279). At the same time, Nikolsky was an ardent fan of philosophy. He read philosophical literature and by the time of his death had amassed a large library in which a whole bookcase was devoted to philosophical writings, including the works of Kant, Nietzsche, Hobbes and Schopenhauer (Nikolsky, 2015b, p. 259).

In his diary for 1901 Nikolsky, reflecting on his own juridical views, asked himself, “what is the essence of my idea?” and answered, “its philosophical character. Philosophy is the soul of my law studies” (Nikolsky, 2015a, p. 444).

В своем дневнике за 1901 г. Никольский, размышляя над собственной юридической концепцией, задается вопросом «И в чем главная сущность моей идеи?» и отвечает: «В ее философичности. Философия — душа моего правоведения» (Никольский, 2015а, с. 444). Монархические взгляды Никольского нисколько не противоречили его увлеченности философией, поскольку он считал, что «монархия благоприятна философии, в частности философии права. Она выжимает из свободной мысли высшие обобщения» (Там же, с. 461).

Что касается отношения к мыслителю из Кёнигсберга, то в дневнике за 1900 г. Никольский, представляя общую характеристику своих философских взглядов, указывает на заслугу Канта в том, что им был снят субстанциальный дуализм двух бесконечностей — материи и духа, а вместе с тем дуализм «я» и мира. В то же время Никольский находился под влиянием Шопенгауэра, что прочитывается в одном из его тезисов, охарактеризованном самим Никольским как «зерно» всего его мировоззрения: «Разум подзаконен, познание и сознание закономерны... <...> ...подзаконность, закономерность сознания гласит, что мир есть представление, т.е. что я — творец мира. <...> Бытие мира есть бытие нашего я изнутри я; а наше я снаружи есть бытие познаваемого мира» (Там же, с. 398). При этом Никольский утверждает, что общий закон познания есть «несоизмеримость познаваемого с Ding an sich» (Там же, с. 399), соответственно, несоизмеримость бытия и познания. Напротив, совпадение бытия и разума русский мыслитель считает абсурдом.

Представленные биографические сведения позволяют в некоторой степени объяснить, почему рукопись с восторженными отзывами о Канте могла оказаться в архиве члена правомонархической организации. Сам этот факт вместе с тем обстоятельством, что содержание манускрипта имеет юридический контекст, указывает на связь автора текста с наукой о праве.

Nikolsky's monarchist views were no obstacle to his enthusiasm for philosophy. Indeed, he believed that “monarchy favours philosophy, in particular the philosophy of law. It teases higher generalisations out of the free thought” (*ibid.*, p. 461).

As for his attitude to Kant, in his diary for 1900 Nikolsky, setting forth his overall philosophical position, credits Kant with overcoming the substantive dualism of two infinities, matter and spirit and, at the same time, the dualism of “I” and the world. At the same time Nikolsky is under the influence of Schopenhauer, as witnessed by one of his theses which Nikolsky considers to be the “kernel” of his world view: “Reason is the legal state, cognition and consciousness obey laws [...] conformity of consciousness to laws means that the world is representation, i.e. I am the creator of the world [...]. The being of the world is the being of I from within I; our I from without is the being of the cognised world” (*ibid.*, p. 398). At the same time Nikolsky maintains that the overarching law of cognition is “incommensurability of what is cognised with the *Ding an sich*”, and accordingly, incommensurability of being and cognition. By contrast, he considers commensurability of being and reason to be absurd (*ibid.*, p. 399).

The above biographical data go some way toward explaining why a manuscript eulogising Kant ended up in the archive of a member of a right-wing pro-monarchy organisation. This fact, along with the fact that the manuscript is placed in a legal context, points to the author's connection with legal science.

One of the clues to the identity of the manuscript's author is the mention in the manuscript of the prominent Russian lawyer and editor of the first eight volumes of the Brokhaus and Efron Encyclopedic Dictionary, Professor and Rector of the

Одной из главных подсказок, позволяющих идентифицировать автора рукописи, является упоминание в ней известного русского юриста, редактора первых восьми томов «Энциклопедического словаря», издававшегося акционерным обществом «Ф.А. Брокгауз — И. А. Ефрон», профессора и ректора Императорского Санкт-Петербургского университета (далее — СПбУ) Ивана Ефимовича Андреевского (1831—1891). Последний характеризуется автором рукописи как «поклонник реформ шестидесятых годов», который стремился «провести и в практику русского управления начала правовой теории Канта, примененные к системе внутреннего управления Р. ф. Модем» (см. ниже, с. 123). Это позволяет ограничить поиск кругом лиц, которые не только интересовались кантовской философией права, но к тому же были связаны и с Никольским, и с Андреевским. Более того, интерес автора рукописи к взглядам на полицейское право Роберта фон Моля (1799—1875) и Андреевского позволяет предположить, что он сам мог заниматься указанной проблематикой и издать какие-либо работы по полицейскому праву.

У Андреевского был ученик, удостоенный степени магистра полицейского права, ставший впоследствии профессором полицейского права в СПбУ — Сергей Владимирович Ведров² (1855—1909) (см.: Поленов, 1896). При этом с ним был знаком и Никольский, они вместе работали в СПбУ. В частности, в дневниках Никольский упоминает Ведрова как члена экзаменационной комиссии по случаю своей магистерской защиты, относя его к категории «лиц без речей» (Никольский, 2015а, с. 141). Другой раз Никольский пишет о Ведрове в контексте подготовки своей вступительной лекции по семейному праву в СПбУ в 1899 г.: видимо, он же

² В фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) сохранились два письма С.В. Ведрова: неустановленному лицу «Генриху Антоновичу» от 18.10.1901 г. (Ф. 1654 (Половцовы). Оп. 1. Д. 1175) и А.В. Половцову от 19.10.1891 г. (Ф. 1654. Оп. 1. Д. 302). Оба текста написаны тем же почерком, что и «Статья С.В. ...», и подписаны «Ведров».

Imperial St. Petersburg University Ivan Ye. Andreyevsky (1831—1891). The latter is described by the author of the manuscript as an “admirer of the 1860s reforms” who sought to “apply to Russian government the principles of Kant’s law theory which R. von Mohl applied to the system of internal government” (see below, p. 122). This limits the circle of persons who were not only interested in Kant’s philosophy of law, but were connected both with Nikolsky and Andreyevsky. Moreover, the interest the author of the manuscript shows in the views on police law held by Robert von Mohl (1799—1875) and Andreyevsky suggests that he himself may have been interested in these problems and published some works on police law.

Andreyevsky had a pupil who held a Master’s Degree in police law and later became a Professor of Police Law at St. Petersburg University, Sergey V. Vedrov² (1855—1909) (see Polenov, 1896). Nikolsky was acquainted with Vedrov, worked with him at St. Petersburg University. In his diaries Nikolsky (2015а, p. 141) mentions Vedrov as a “non-speaking” member of the examination board that awarded him the Master’s Degree. On another occasion Nikolsky writes about Vedrov in the context of preparations for his inaugural lecture on family law at St. Petersburg University in 1899, apparently he wanted to discuss the plan of his speech with Vedrov (*ibid.*, pp. 305-307). Finally, Vedrov mentions Nikolsky without any characteristics in connection with the scandalous defence of a magister’s dissertation on civil law by Vasily I. Adamovich (*ibid.*, p. 333).

²In the collections of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg) there are two letters of S. V. Vedrov: to an unknown person named “Genrikh Antonovich” dated 18 October 1901 (RGIA, coll. 1654 (Polovtsovy), inv. 1, № 1175) and to Anatoly V. Polovtsov dated 19 October 1891 (coll. 1654, inv. 1, № 302). Both texts are in the same handwriting as the “Article by S. V. ...”, and signed “Vedrov” (“Vyodrov”).

лал обсудить с Ведровым план своего выступления (Там же, с. 305–307). Наконец, Ведрова без каких-либо характеристик Никольский упоминает по случаю скандальной магистерской защиты В. И. Адамовича по гражданскому праву (Там же, с. 333).

В пользу авторства Ведрова косвенно свидетельствуют упоминания и оценки Андреевского и Моля, явно перекликающиеся с тем, что Ведров написал в некрологе на смерть Андреевского в 1891 г. В нем он характеризует своего учителя и наставника как «представителя полицейской науки», занимавшего в СПбУ самостоятельную с 1857 г. кафедру полицейского права (Ведров, 1891, с. 1–3). Самым «обширным и основным» трудом Андреевского Ведров считает «Полицейское право», изданное в двух томах в 1870-х гг., где в виде системы представлены начала полицейской науки, в частности произведен анализ иностранных и отечественного полицейских законодательств (Там же, с. 9). Из людей, повлиявших на взгляды Андреевского, Ведров выделяет Константина Алексеевича Неволлина (1806–1855), профессора и декана юридического факультета СПбУ, стоявшего у истоков юридической науки в России, и Петра Давыдовича Калмыкова (1808–1860), директора 1-й Санкт-Петербургской гимназии, где учился Андреевский.

Интересна также характеристика, данная Ведровым Андреевскому как человеку, ученому и юристу:

Ив. Еф. принадлежал к представителям просвещенного либерализма... В политике его пленяло учение Роберта ф. Моля и философские положения о государстве правовом, где свобода человека наилучше уживалась бы со строгими правовыми нормами... Либеральные и гуманные воззрения Ив. Еф. выражались и в действиях в обыденной жизни; он относился ко всем людям сочувственно и держался со всеми ровно... Маленькое его хозяйство служило ему поводом на практике показать свои убеждения об отношениях между социальными классами (Там же, с. 12–13).

Indirect proofs of Vedrov's authorship are his references to and assessments of Andreyevsky and von Mohl which have clear echoes of what Vedrov wrote in Andreyevsky's obituary in 1891. In it he referred to his teacher and mentor as "a representative of police science" who since 1857 was the head of the chair of police law at St. Petersburg University (Vedrov, 1891, pp. 1-3). Vedrov considers Andreyevsky's two-volume book *Police Law*, published in the 1870s, to be "the largest and most fundamental" work which presents as a system the principles of police science, including an analysis of police legislation in and outside Russia (*ibid.*, p. 9). Of the people who influenced Andreyevsky most Vedrov singles out Konstantin A. Nevolin (1806–1855), professor and dean of St. Petersburg University's Law Department who was one of the founders of the science of law in Russia, and Pyotr D. Kalmykov (1808–1860), principal of the First St. Petersburg Gymnasium where Andreyevsky studied.

Vedrov gave an interesting description of Andreyevsky as a person, scholar and lawyer:

Iv[an] Yef[imovich] was a representative of enlightened liberalism [...]. In politics, he was fascinated by the teaching of Robert von Mohl and the philosophical propositions concerning the legal state where freedom of the individual went hand in hand with strict legal norms... Iv. Yef.'s liberal and humanitarian views manifested themselves in daily life; he treated all people with sympathy and in an even-handed manner. His small department gave him a chance to demonstrate his convictions about the relations between social classes in practice (*ibid.*, pp. 12-13).

Vedrov mentions von Mohl not only in the obituary, but also, for example, in the review of Vladimir F. Deryuzhinsky's police law manual for students. Criticizing the manual, Vedrov takes issue with the flawed critique of

Моля Ведров упоминает не только в некрологе, но также, например, в рецензии на учебное пособие В. Ф. Дерюжинского по полицейскому праву для студентов. Он отмечает неудачную критику в нем полицейского права Моля, которого Ведров характеризует как «защитника индивидуальной свободы», стремившегося примирить «самостоятельное существование науки полиции с требованиями теории правового государства» (Ведров, 1904, с. 5). Упоминает он здесь и одну из ключевых работ Моля «*Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates*» (1832–1834; рус. пер.: «Наука полиции по началам юридического государства», 1871), первые два тома которой, по мнению Ведрова, заключают в себе «совершенно законченное учение о полиции» по трем разделам: по отношению к физической личности, к духовной личности и к имуществу (Там же). В той же рецензии Ведров назовет Моля одним из «корифеев науки полиции» (Там же, с. 6).

Найти же высказывания по поводу Канта в сочинениях Ведрова, преимущественно посвященных русскому праву, межевому и полицейскому праву и лесохранению, мне не удалось. Тем не менее близкое знакомство с Андреевским, хорошее знание идей Моля и других немецких правоведов, наконец заграничная научная командировка, в том числе³ в Гейдельбергский университет в 1878–1879 гг., где началось формироваться одно из неокантианских течений, позволяет с большой вероятностью предположить хорошее знакомство Ведрова с философией Канта. В Гейдельберге Ведров слушал лекции и участвовал в семинарах преемника Моля по кафедре государственоведения и науки полиции Иоанна Каспара Блунчли (1808–1881) и профессора политологии Карла Густава Адольфа Книса (1821–1898) (Поленов, 1896, с. 134). Кантовское учение о государстве, по утверждению Блунчли, лежит на том же основании, что и учение радикальной шко-

the police law of von Mohl whom he describes as “a champion of individual freedom” who sought to reconcile “the independent existence of police science with the principles of the theory of the legal state” (Vedrov, 1904, p. 5). He cites one of von Mohl’s key works, *Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates* (1832–1834; Russian Translation: *Police Science on the Principles of the Legal State*, 1871). Vedrov believes that the book’s first two volumes represent “a complete teaching on police” in three aspects: with respect to the physical individual, with respect to the spiritual individual and with respect to property (*ibid.*). In the same review Vedrov describes von Mohl as “the luminary of police science” (*ibid.*, p. 6).

I have not found any references to Kant in Vedrov’s writings, most of which are devoted to Russian law, land and police law and forest conservation. Even so, considering Vedrov’s close acquaintance with Andreyevsky, thorough knowledge of the ideas of von Mohl and other German legal scholars and his study abroad, including³ in 1878–1879, at Heidelberg University, the seat of one of Neo-Kantian influence, it is safe to say that Vedrov was thoroughly conversant with Kant’s philosophy. In Heidelberg Vedrov attended the lectures and seminars of Johann Kaspar Bluntschli (1808–1881) and political science professor Karl Gustav Adolf Knies (1821–1898) (Polenov, 1896, p. 134). According to Bluntschli (1867, p. 332), the Kantian doctrine has the same foundation as the doctrine of the French radical school, to which he refers Rousseau and Emmanuel Joseph Sieyès (1748–1836) (*ibid.*, p. 321), namely, “the freedom of individuals” (*ibid.*, p. 333). He conceded that in Germany no philosophical doctrine was so widespread and influential as Kant’s doctrine (*ibid.*, p. 328), but his own attitude to the Kantian doctrine on

³Ведров посещал также Болонью, Вену и Париж.

³Vedrov also visited Bologna, Vienna and Paris.

лы французов (Блунчли, 1874, с. 295), к которым он относит Жан-Жака Руссо и Эмманюэля Жозефа Сийеса (1748–1836) (Там же, с. 285), — на признании «свободы отдельных людей» (Там же, с. 296). Он отмечал, что в Германии ни одно философское учение не достигало такого распространения и влияния, как учение Канта (Там же, с. 292), но его собственная позиция по отношению к кантовскому учению о государстве была критической: «Главная заслуга этого учения — отрицательная, главный недостаток — отсутствие положительного ядра» (Там же, с. 311).

И наконец, еще одно обстоятельство: несмотря на то что в публикуемой ниже рукописи в подписи оставлены только инициалы, а фамилия вычеркнута, по очертаниям букв можно разобрать: С. В. (едровъ).

Все приведенные выше соображения позволяют с высокой степенью вероятности предположить, что автором публикуемой рукописи является С. В. Ведров. В то же время среди известных на сегодняшний день его работ нет ни одной, в которой бы затрагивалась кантовская философия права или другие стороны учения Канта. Поэтому необходимо исследовать, были ли у Ведрова побудительные мотивы для написания комплиментарно-мемориального текста о Канте и в особенности о его философии права. Для этого в первую очередь следует проанализировать отношение к Канту университетского наставника Ведрова — Андреевского.

Так, Андреевский, в частности, указывал, что с конца XVIII в. философия права делает значительные успехи, которые связаны со «знаменитым кёнигсбергским профессором» Кантом, а также с идеями Монтескье и Бентама. Кант, согласно Андреевскому, стал «великим систематизатором» «великих идей» Французской революции, сформировавшей начала равенства между живущими в государстве людьми. Именно эти идеи Кант внес в философию права и государства как «жизненную истину и логическую необходимость» (Андреевский,

the state was critical: “The chief merit of this teaching is negative, and its chief shortcoming is the lack of a positive nucleus” (*ibid.*, p. 349).

Finally, one more circumstance: although the manuscript published herein is signed only by initials, and the name is scratched out, the outlines of letters can be made out: S.V.(edrov).

All the above considerations make it possible to claim with a high degree of certainty that the author of the manuscript being published is S. V. Vedrov. And yet not a single one of his known works touches upon the Kantian philosophy of law or any other aspects of Kant’s doctrine. All of which makes it necessary to find out whether Vedrov had any motives for writing a complimentary memorial text about Kant, especially about his philosophy of law. To this end we should first consider the attitude to Kant of Vedrov’s university mentor, Andreyevsky.

Andreyevsky pointed out that since the end of the eighteenth century the philosophy of law made considerable strides thanks to “the famous Königsberg professor” Kant and to the ideas of Montesquieu and Bentham. Kant, according to Andreyevsky (1874, p. 153), was a “great systematiser” of “the great ideas” of the French Revolution which articulated the principles of equality of the people living in a state. Kant introduced these ideas into the philosophy of law and state as “the vital truth and logical necessity”. Kant, Andreyevsky continues, drew the newest ideas from Montesquieu, Rousseau and the Encyclopedists, analysed them and “cast his views in a complete scientific form” (*ibid.*) which gave a boost to the study of law in the nineteenth century.

Andreyevsky goes on to mention the main aspects of Kant’s philosophy of law. He recalls that Kant explains the concept of law as “the relation of the freedom of the individual with the common freedom of all those who are

1874, с. 153). Кант, продолжает Андреевский, черпал самые свежие идеи у Монтескьё, Руссо и энциклопедистов, проанализировал их и «вылил свои воззрения в законченном целом научном» (Там же), сильно продвинувшем изучение права уже в XIX в.

Далее Андреевский коротко упоминает основные аспекты кантовской философии права. В частности, русский правовед напоминает, что понятие права у Канта разъясняется через «отношение свободы отдельного лица к общей свободе всех, составляющих единение в государстве» (Там же). Само право, пишет Андреевский, Кант понимает как установление таких условий, «при которых воля и произвол одного могут быть в гармонии с волею и произволом других посредством общего и обязательного для всех закона» (Там же). Посредством такого понимания права «Кант разъясняет понятие государства, существующего на началах права (*Rechtsstaat*)» (Там же), где характерными чертами являются свобода, равенство и самостоятельность для всех членов государства. Причем кантовское понятие *Rechtsstaat*, по замечанию Андреевского, было заимствовано Молем для его учения о полицейском праве (Там же, с. 170–171).

Об отношении Андреевского к учению Моля свидетельствует тот факт, что один из учеников Андреевского, Ростислав Иванович Сементковский (1846–1918), по инициативе и при «постоянном горячем участии» своего наставника еще в студенческие годы сделал перевод третьего издания «*Polizeiwissenschaft*» Моля (Сементковский, 1871, с. IX). Небезынтересно и то, что Сементковский стал автором предисловия к переводу на русский язык «Рабочего вопроса» Ф. А. Ланге, одного из предтеч неокантианства, а также принял участие в редактировании последних трех глав этого перевода и примечаний (Сементковский, 1892, с. III). Сементковский называет Ланге тем, кто в значительной степени удовлетворил потребность провести «полное и всестороннее исследова-

united within the state” (*ibid.*). Kant interprets law, according to Andreyevsky, as the creation of conditions “under which the will and freedom of action of one can be in harmony with the will and freedom of action of others through the law that is common and obligatory for all” (*ibid.*). Through such interpretation of law “Kant explains the concept of the state based on the principles of law (*Rechtsstaat*)” (*ibid.*) of which the characteristic features are freedom, equality and independence of all the members of the state. Kant’s concept of *Rechtsstaat*, Andreyevsky points out, was borrowed by Mohl for his doctrine of police law (*ibid.*, pp. 170-171).

Andreyevsky’s attitude to Mohl’s views is highlighted by the fact that one of Andreyevsky’s pupils, Rostislav I. Sementkovsky (1846–1918), on the initiative of and with the “constant ardent participation” of his mentor while still a student, translated the third edition of von Mohl’s *Polizeiwissenschaft* (Sementkovsky, 1871, p. IX). It is also interesting that Sementkovsky wrote a foreword to the Russian translation of Friedrich A. Lange’s *The Problem of the Worker*, one of the forerunners of Neo-Kantianism, and took part in the editing of its last three chapters and notes for it (Sementkovsky, 1892, p. III). Sementkovsky sees Lange as one of those who contributed to meeting the demand for a “full and many-sided” investigation of the labour issue. He reports that he read Lange’s work while still a student and that it made a powerful impression on him (*ibid.*, p. II). He notes that since that time Lange’s ideas, far from losing their relevance and merits (he gives special credit to Lange’s idea of social equality), “ceased to be a bold fantasy of a thinker-poet” because they have been “vindicated” by “resolute and pressing demands of reality” (*ibid.*, p. III).

ние» рабочего вопроса. Он упоминает, что эта работа произвела на него сильное впечатление в студенческие годы (Там же, с. II). С того момента, по его замечанию, идеи Ланге не только не утратили своей актуальности и достоинства (главным из которых он называет идею установления социального равенства между людьми), но и «перестали быть смелой фантазией мыслителя-поэта», поскольку «оправдались» «решительными и неотложными требованиями действительности» (Там же, с. III).

Возвращаясь к Андреевскому, необходимо также упомянуть его убежденность в том, что в основание полицейского права лег следующий вывод Канта (в формулировке Андреевского, созвучной идеям Ланге о равенстве): «необходимость совершенно равных и одинаковых условий для возможности действовать в государстве сообразно со способностями и знаниями и идти вперед, к усовершенствованию» (Андреевский, 1874, с. 154). В связи с этим Кант, по мнению Андреевского, указывал «на необходимость разрушения... сословных привилегий», а «средство для достижения действительных государственных начал» видел в народном представительстве (Там же).

Подобную оценку Канта можно обнаружить и в более раннем сочинении Андреевского «Русское государственное право» (1866). Но здесь, в отличие от «Полицейского права», Андреевский затрагивает не только кантовскую философию права, но и теорию познания. В частности, русский правовед кратко пересказывает содержание «Критики чистого разума» следующими утверждениями: 1) человек не знает вещей самих по себе, но только явления; 2) созерцание обусловлено одновременно материей, получаемой из внешнего мира, и формой как способностью человеческого духа; 3) способность духа у Канта давать материи форму — создавать представления — называется *Verstand* (рассудком); 4) способность же связывать представления, делать из них заключения — *Vernunft* (разумом); 5) разум так-

Going back to Andreyevsky (1874, p. 154), we should mention his conviction that police law was based on the following Kant proposition (as framed by Andreyevsky, it chimes with Lange's ideas about equality): "The necessity of completely equal and similar conditions of the possibility to act within the state in accordance with one's abilities and knowledge and to move forward toward improvement." That is why, Andreyevsky argues, Kant "urged the need to abolish [...] social estate privileges" and "saw popular representation [...] as the means of achieving real state principles [...]" (*ibid.*).

This assessment of Kant can be encountered in Andreyevsky's earlier work entitled *Russian State Law* (1866). But here, unlike in *Police Law*, he touches not only on Kant's philosophy of law, but also on his theory of cognition. He sums up the *Critique of Pure Reason* through the following propositions: 1) man does not know the things-in-themselves but only their appearances; 2) intuition is conditioned simultaneously by matter received from the external world, and by form as the capacity of the human intellect; 3) according to Kant, the capacity of the intellect to give shape to matter by creating representations is called *Verstand* (understanding); 4) the capacity to connect representations, to draw conclusions from them is called *Vernunft* (reason); 5) reason also contains ideas through which the human being "orders human thinking" (Andreyevsky, 1866, p. 53).

Andreyevsky then proceeds to set forth the key ideas of the *Critique of Practical Reason*. He writes that here Kant shifts his attention to practical reason which, as distinct from theoretical reason, does not order knowledge but induces and directs the human being in external activities. In Andreyevsky's opinion, Kant was looking for something that drives man to act, but is independent from experience,

же содержит идеи, посредством которых он приводит «в порядок человеческое мышление» (Андреевский, 1866, с. 53).

Затем Андреевский переходит к изложению ключевых идей «Критики практического разума». Здесь, пишет русский мыслитель, Кант переводит свое внимание на практический разум, который, в отличие от теоретического, не занимается упорядочиванием знания, а побуждает и направляет человека к внешней деятельности. Кант, по мысли Андреевского, искал нечто, побуждающее человека к деятельности, но независимое от опыта, и нашел это в нравственном законе, дающем человеку безусловные, категорические повеления, то есть в категорическом императиве. Именно нравственный закон для Канта, продолжает Андреевский, является основанием человеческой свободы, поскольку он повелевает человеку следовать не внешней, но внутренней необходимости. Сознание человеком нравственного закона приводит человека к сознанию Бога как причины свободы и бессмертия духа (Там же, с. 54).

От свободного нравственного мира, отмечает Андреевский, Кант отличал мир юридический, где главное внимание обращено на внешнюю сторону поступка. Отсюда право, согласно Канту, стремится к созданию таких условий, «чтобы воля и произвол одного мог[ли] быть в гармонии с волею и произволом других посредством общего для всех и обязательного закона. Государство необходимо потому для обеспечения прав каждого» (Там же, с. 55). Подобные же характеристики права и государства Андреевский, как было показано, приводит в «Полицейском праве».

Заслугу Канта в области правовой теории Андреевский представляет следующим образом:

Обе рассмотренные теории (речь о теориях государства Канта и Гегеля. — Д. Р.)... явили относительно объяснения государства громадный прогресс в том, что объяснили необходимость обеспечения отдельной личной

and he found it in the moral law which gives man unconditional, categorical commands, i.e. in the categorical imperative. In Andreyevsky's view, the moral law is the foundation of human freedom insofar as it bids man to follow not external but inner necessity. The human being's awareness of the moral law leads him to God as the cause of freedom and immortality of the soul (*ibid.*, p. 54).

Andreyevsky notes that Kant distinguished the free moral world from the legal world in which the focus is on the external aspect of the act. Law, according to Kant, seeks to create conditions under which "the will and discretion of one could be in harmony with the will and discretion of others, owing to the law that is common and obligatory for all. The state is necessary to secure the rights of everyone (*ibid.*, p. 55). As has been shown above, Andreyevsky writes about the state and law in similar vein in *Police Law*.

Andreyevsky thus assesses Kant's contribution to the theory of law:

Both theories [Kant's and Hegel's theories of the state — D. R.] [...] represented huge progress in that they explained the need to secure individual freedom against the arbitrariness of public power and stressed the significance of man before citizen. [...] these theories, especially the theory of Kant and his followers, consigned the state exclusively to the legal domain, limited state activity to supervision, so that the rights of the person living in the state should not be violated, so that all should enjoy legal protection and safety (*ibid.*, p. 58).

At the same time Andreyevsky points to a shortcoming in Kant's theory of the state: his definition of the state's goal is too narrow (*ibid.*). Here the Russian legal scholar echoes Mohl's objection to the position which sees the state solely as the institution that protects rights (Mohl, 1866, p. 5).

свободы от произвола общественной власти, указали на значение человека перед гражданином. ...эти теории, особенно теория Канта и его последователей, сделали из государства исключительную юридическую область, ограничили заботы государственной деятельности исключительным наблюдением, чтобы признанные за живущим в государстве человеком права не были нарушаемы, чтобы всем была доставлена юридическая защита и безопасность (Там же, с. 58).

Вместе с тем Андреевский отмечает, что есть у кантовской теории государства и недостаток: цель государства в ней представлена слишком узко (Там же). Здесь русский правовед, вероятно, озвучивает мысль Моля о неполноте той позиции, согласно которой государство существует только как учреждение для защиты прав (Моль, 1871, с. 3–4).

Таким образом, Андреевский не только положительно отзывается о философии права Канта, но и ставит ее в связь с развитием науки полицейского права вообще и с полицейским правом Моля в частности, что нашло отражение и в публикуемой рукописи (см. ниже, с. 122). Нельзя не заметить, что сам Андреевский свое отношение к Канту сформировал, вероятно, под влиянием своего университетского наставника К. А. Неволина. Говорить о влиянии позволяет как минимум то, что Андреевский после смерти Неволина издал его полное собрание сочинений.

Неволин родился в семье священника. Окончив Вятскую духовную семинарию в 1824 г., он поступил в Московскую духовную академию (далее — МДА). Жизнь Неволина резко изменилась в 1828 г. после вызова его М. М. Сперанским в Санкт-Петербург для того, «чтобы положить основание наук Российского правоведения» (Андреевский, 1857, с. VI–VII). В 1829 г. Неволин отправляется в заграничную командировку в Берлинский университет, откуда возвращается в 1832 г., в 1835 г. защищает докторскую диссертацию по законоведению

Thus, Andreyevsky does not only approve of Kant's philosophy of right, but links it with the development of police law science in general and with Mohl's police law in particular, a position that is reflected in the manuscript published here (see below, p. 122). It has to be noted that Andreyevsky probably formed his attitude to Kant under the influence of K. A. Nevolin, who was his mentor at university. At least we know that after Nevolin's death Andreyevsky published his collected works.

Nevolin was born into a priest's family. After finishing the Vyatka Orthodox Seminary in 1824 he entered the Moscow Theological Academy (elsewhere MTA). His life took a dramatic turn in 1828 when he was summoned by Mikhail M. Speransky to St. Petersburg and tasked with "laying the foundation of the Russian law sciences" (Andreyevsky, 1857, pp. VI-VII). In 1829 Nevolin went abroad to study at Berlin University where he returned in 1832. In 1835 he defended a doctoral dissertation on law and was appointed to a professorship at the University of Kiev (*ibid.*, pp. IX-XII). In 1843 he was transferred to the Civil Law Chair of St. Petersburg University (*ibid.*, p. XVI).

Nevolin wrote about Kant in his very first legal work, *The Law Encyclopedia* (1839–1840). The entry on "The History of Philosophy of Legislation" contains a paragraph entitled "The Subjective Idealism of Kant and Fichte". Nevolin (1857, p. 225) claims that modern philosophy begins with Kant and defines Kant's philosophical position as subjective idealism because, according to Nevolin, its supreme principle is subjective thought (*ibid.*, p. 416).

He writes that Kant wanted to take a critical look at the functioning of various capacities of the mind. As a result of his critique of the cognitive faculty Kant established that reason

и получает должность профессора в Киевском университете (Там же, с. IX–XII). В 1843 г. он был переведен в СПбУ на кафедру гражданского права (Там же, с. XVI).

О Канте Неволин пишет в одном из самых первых своих правоведческих сочинений «Энциклопедия законоведения» (1839–1840). В главе «История философии законодательства» Неволин посвящает взглядам Канта параграф под названием «Субъективный идеализм Канта и Фихте». Он указывает, что с Канта начинается философия новейшего времени (Неволин, 1857, с. 225), и определяет кантовскую философскую позицию как субъективный идеализм, поскольку, согласно Неволину, субъективная мысль в ней становится верховным началом (Там же, с. 416).

Кант, пишет Неволин, стремился критически рассмотреть действия различных способностей души. В результате критики познавательной способности Кантом было установлено, что разум не способен познавать сущность вещей, то есть вещи сами по себе, а только их явления. «Критика практического разума» раскрывает способность разума устанавливать законы для воли независимо от опыта, исполнение же этих законов, согласно Неволину, остается под вопросом. В последней «Критике» Кант «покушается» согласовать между собой теоретическую и практическую способности посредством понятий цели и причины (Там же, с. 417–418).

Предмет права, продолжает Неволин, Кант рассматривает в «Метафизических начальных основаниях учения о праве» — первой части «Метафизики нравов». «Дополнением» этого сочинения Неволин называет другие два кантовских трактата — «Идея для всеобщей истории в видах космополитических» и «К вечному миру» (Там же, с. 418). Таким образом, Неволин был знаком не только с содержанием трех «Критик», но и с рядом других работ Канта, посвященных праву и политической философии.

Далее Неволин более подробно излагает взгляды Канта на практическую философию

is incapable of cognising the essence of things, i.e. the thing-in-itself, but can only cognise their appearance. The *Critique of Practical Reason* reveals reason's capacity to establish the laws of the will independently from experience, but Nevolin calls in question compliance with these laws. In the last *Critique* Kant "takes a shot" at marrying up the theoretical and practical capacities by bringing in the concepts of the end and cause (*ibid.*, pp. 417-418).

Nevolin goes on: Kant addresses the subject of right in "The Metaphysical First Principles of the Doctrine of Right", the first part of *The Metaphysics of Morals*. Nevolin considers two other Kantian treatises, *Idea for Universal History with a Cosmopolitan Purpose* and *Perpetual Peace* (*ibid.*, p. 418) to be an "addition" to that work. Thus, Nevolin knew not only the content of the three *Critiques* but a number of other works devoted to law and political philosophy.

Further, Nevolin renders in detail Kant's views on practical philosophy and law. Citing the second *Critique* he explains the Kantian concepts of moral law, will, autonomy of will and the categorical imperative: "Act as if the maxims of your action were to become through your will a universal law of nature" (*ibid.*) Then, still proceeding from the *Metaphysics of Morals*, Nevolin explains the Kantian distinction between moral and legal right: the former calls for execution of duty for duty" whereas the latter calls for external actions to be congruent with the law, regardless of motives. The Russian thinker cites Kant's definition of right: "Right is the totality of conditions under which the will of one can be combined with the will of the other under the universal law of freedom" (*ibid.*, p. 419) and unpacks it while briefly describing the terms of the Kantian philosophy of right such as coercion, inborn and acquired rights, private and public law

и право. Он, ссылаясь на вторую «Критику», разъясняет кантовские понятия нравственного закона, воли, автономии воли, категорического императива: «поступай так, чтоб особенное правило твоей воли могло быть всеобщим законом, т.е. поступай по таким началам, которые бы могли быть началами деятельности для воли всех разумных существ» (Там же). Затем, опираясь уже на «Метафизику нравов», Неволлин объясняет кантовское различие между нравственным и юридическим законодательством: первое требует «исполнения должности для должности», в то время как второе — сообразования внешних действий с законом, независимо от побуждений. Русский мыслитель приводит кантовское определение права: «...право есть совокупность условий, при коих воля одного может быть совмещена с волею другого по всеобщему закону свободы» (Там же, с. 419) — и разбирает его, а также коротко характеризует такие термины кантовской философии права, как принуждение, права природные и приобретенные, частное и публичное право (Там же, с. 419—420), последние два русский правовед рассматривает более подробно (Там же, с. 420—435)⁴.

Давая оценку учению Канта о праве, Неволлин указывает на его достоинства и недостатки. С одной стороны, «неотъемлемым достоинством» кантовского взгляда на право Неволлин считает обоснование им автономии воли, оформление философии права в самостоятельную сферу философии, признание государства необходимым для осуществления идеи права, выдвигание идеи единства человеческого рода. С другой — Неволлин критикует Канта за формализм в практической философии: «покушение Канта вывести из своего формального начала деятельности все практические законы ума» осталось безуспешным (Там же, с. 438). Кроме того, русский мыслитель

(*ibid.*, pp. 419-420), along with a more detailed look at the last two (*ibid.*, pp. 420-435)⁴.

Assessing Kant's doctrine of law, Nevolin points out its merits and shortcomings. On the one hand, he describes as the "undeniable merit" of Kant's view of right his grounding of the autonomy of the will, establishment of the philosophy of law as an independent sphere of philosophy, recognition of the necessity of the state for implementing the idea of right, and the advancement of the idea of the unity of the human race. On the other hand, Nevolin criticises Kant for formalism in practical philosophy: "Kant's attempt to derive all the practical laws of reason from his formal principle of activity" failed (*ibid.*, p. 438). The Russian thinker argues that Kant turns the formal principle of morality into the principle of immorality. Nevolin challenges the Kantian distinction between morality and law (*ibid.*, p. 440). Summing up his critique of Kant, Nevolin writes: "Kant thereby robs people of the hope to see some day their society implement the idea of law and forces them to recognise as impossible the idea of a perfect state order and perpetual peace" (*ibid.*, p. 442).

Nevolin's considerable familiarity with Kant's works can be partly attributed to his study in Germany, but we should not ignore the fact that during his study at the MTA philosophical disciplines were taught by Fedor A. Golubinsky who was thoroughly familiar with Kant's philosophical ideas (see Rozhin, 2021). Students' notes of some of Golubinsky's philosophical lectures have survived, but they all belong to the time after Nevolin was expelled from the MTA. The earliest transcript of Golubinsky's lectures was published on the basis of two manuscripts, one

⁴ Специфика рецепции Неволлиным кантовской философии права заслуживает отдельного исследования, что не входит в задачи данной статьи.

⁴ The specificities of Nevolin's perception of Kant's philosophy of law merit a separate investigation which is beyond the scope of this article.

тель считает, что у Канта формальное начало нравственности непосредственно превращается в начало безнравственности. Также Неволин выступает с критикой кантовского различения нравственности и права (Там же, с. 440). Резюмируя свою критику в адрес Канта, он пишет: «Кант тем самым отнимает у людей надежду видеть когда-нибудь совершенное в своем обществе осуществление идеи права и заставляет их идею совершенного государственного устройства и вечного мира признать идеєю неисполнимою» (Там же, с. 442).

Достаточно подробное знакомство Неволина с сочинениями Канта может быть объяснено его ученой командировкой в Германию, но нельзя игнорировать то, что во время обучения Неволина в МДА философские дисциплины преподавал Ф. А. Голубинский, хорошо знакомый с философскими идеями Канта (Рожин, 2021). До нас дошли некоторые лекции Голубинского по философии, записанные студентами, но все они относятся ко времени после отчисления Неволина из МДА. Самая ранняя запись лекций Голубинского была опубликована на основе двух рукописей, одна из которых принадлежит А. И. Смирнову и датируется 1830 г., а другая В. Г. Назаревскому и относится к началу 1840-х гг. (Голубинский, 1884, с. 19). В этих лекциях Голубинский упоминает Канта и дает ему неоднозначные оценки: «Кант все разрушил, и ничего не создал, не построил» (Там же, с. 65). Вероятно, что взгляды Голубинского могли также повлиять на интерес Неволина к кантовским идеям и на их критическое восприятие, хотя никаких отсылок к философии права Канта в изданных лекциях Голубинского мы не найдем.

Итак, можно утверждать, что интерес к кантовской философии права и положительная ее оценка у Ведрова могли быть обусловлены отношением к Канту Андреевского, чья позиция хотя и была сформирована под влиянием Неволина, но все же явно отличается от взглядов и Неволина, и Голубинского. В то же время

of which belongs to A. I. Smirnov and is dated 1830, and the other to Vladimir G. Nazarevsky and refers to the early 1840s (Golubinsky, 1884, p. 19). In these lectures Golubinsky mentions Kant about whom he has mixed feelings: “Kant has destroyed everything and has not created or built anything” (*ibid.*, p. 65). Golubinsky’s views may have influenced Nevolin’s interest in the Kantian ideas and their critical reception, but there are no references to Kant’s philosophy of law in Golubinsky’s published lectures.

To sum up, Vedrov’s interest in and positive attitude towards the Kantian philosophy may owe something to Andreyevsky whose attitude to Kant, although formed under the influence of Nevolin and Golubinsky, clearly differs from their position. At the same time, in the absence of any other known sources that could throw light on Vedrov’s attitude to Kant’s philosophy, the manuscript from Nikolsky’s archive may well be the only source demonstrating Vedrov’s position on the great Königsberg citizen.

The text of the manuscript is published in modern spelling and punctuation. All the comments belong to the publisher.

Supplement

[Article by S. V. on the Occasion of the Centenary of Immanuel Kant’s Death]

30 January / 12 February 1904

It is a hundred years since the death of the greatest German philosopher Immanuel Kant who was born in Königsberg in 1724 (9/22 April)¹⁾ and lived there all his long life without leaving it. By a strange irony of fate, the philosopher who created a critical teaching on human being’s cognitive faculty, his mind and reason, suffered from senile dementia

другие источники, которые могли бы детальнее раскрыть отношение Ведрова к философии Канта, на сегодняшний день неизвестны, и вполне возможно, что публикуемая ниже рукопись из архива Никольского является единственным источником, демонстрирующим позицию Ведрова в отношении заслуг великого кёнигсбержца.

Текст рукописи публикуется в современной орфографии и пунктуации. Все комментарии принадлежат публикатору.

Приложение

[Статья С. В. по поводу 100-летия смерти Иммануила Канта]

30 января / 12 февраля 1904 г.

Сто лет тому назад умер величайший философ Германии Иммануил Кант, родившийся в Кёнигсберге в 1724 году (9/22 апреля)¹ и безвыездно в нем проживший всю свою долгую жизнь. Умер, по странной иронии судьбы, философ, создавший критическое учение о познавательной способности человека, о его уме и разуме, впав в слабоумие². Академическая его деятельность как профессора закончилась еще в 1795 году, как писателя около 1798 года, к которому относятся его последние труды³. Из своего родного города зорко следил философ за происходившей на его глазах эволюцией знания в эпоху дореволюционную во Франции и за практическим осуществлением отвлеченных политических начал в революционную эпоху⁴. Кант в одном своем лице обобщил для Германии и философию Вольтера, и энциклопедистов с их опытным направлением, и практические положения Монтескьё, и поэзию-политику Жан Жака Руссо⁵, и связал все неумолимую немецкою логикою⁶. Беспощадная ирония фернейского философа⁷ сменилась у Канта критическим идеализмом, примиряю-

when he died.²) His academic activities as a professor ended as early as 1795, and as a writer around 1798 when his last works were written.³) From his native town the philosopher closely watched the evolution of knowledge in pre-revolutionary France and the practical implementation of abstract political principles in the revolutionary era.⁴) For Germany Kant combined in his person the philosophy of Voltaire, the Encyclopedists with their concentration on experience, the practical propositions of Montesquieu, and the poetic politics of Jean Jacques Rousseau,⁵) tying everything together with relentless German logic.⁶) Kant exchanged the biting irony of the Ferney philosopher⁷) for critical idealism which reconciles even faithlessness with the demands of morality and religion since what the mind cannot explain needs to be assimilated by faith for the sake of the practical demands of communal living. Kant tempers the Geneva citizen Rousseau's passionate preaching of political freedom by the requirement of legality in his ideal legal state and is one of the first to declare popular representation as a practical method of determining the common will.⁸) Kant in his philosophy modifies the famous triple definition of the French idea of the state which previously proudly displayed on its national banner the grand words *liberté, égalité, fraternité*. Man is born free, he enjoys equality as a subject of the state and independence as its citizen; fraternity is the natural consequence of belonging to the human race.¹⁰) Without even touching upon the main tenets of the overall complicated system of Kant's transcendental idealism suffice it to mention his legal and political significance, which spread far beyond Germany, to appreciate this powerful brain which gave a new direction to the whole political literature. Kant outlined only the general foundations of the state system which came to be called the legal state in the

щим и безверие с требованиями морали и религии, так как необъяснимое для ума должно быть в силу «категорического императива» усвоено верою ради практических требований общежития. Страстную проповедь свободы политической женевагражданина, Руссо, Кант смягчает требованием законности в своем правовом идеальном государстве и один из первых указывает на представительство народное как практический прием для наилучшего выяснения общей воли⁸. Видоизменяет в своей философской разработке Кант и знаменитое тройственное определение французской государственной идеи, доселе гордо возвышающееся на национальном знамени, величественное «liberté, égalité, fraternité». Свободен человек от рождения, равноправностью пользуется он как подданный государства и самостоятельностью как гражданин; братство естественное следствие принадлежности к роду человеческому⁹. Не касаясь даже главных положений общей сложной системы трансцендентального идеализма Канта, достаточно указать на его значение в юридико-политическом отношении, далеко распространившееся за пределы Германии, чтобы оценить этот могучий ум, давший новое направление всей политической литературе. Кант набросал лишь общие основания государственного строя, получившего в литературе название государства правового. Основная мысль была противопоставление идеи права и законности господству произвола административных учреждений полицейского государства XVIII века¹⁰. Практически ввести в систему управления это положение решился известный тюбингенский профессор Роберт фон Мольте, в 1832 году выпустивший в свет свою книгу «Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates»¹¹ («Наука полиции на началах правового государства»). Эта теория отразилась и на классическом труде профессора Петербургского университета И. Е. Андреевского «Полицейское право»¹², который¹³ стремится провести и в практику

literature. The core idea juxtaposed the idea of right and legality to the sway of arbitrariness of administrative institutions of the eighteenth-century police state.¹¹ The Tübingen professor Robert von Mohl had the courage to introduce this provision in the governance system. In 1832 he published his book *Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates*¹² (*Police Science on the Principles of the Legal State*). This theory was reflected in the classic work of Professor I. E. Andreyevsky of Petersburg University, *Police Law*,¹³ in which he tries to put into the practice of Russian governance the principles of Kant's law theory applied to the internal governance system by R. v. Mohl. An ardent supporter of the 1860s reforms, who was engaged in several efforts to project them, for example, on the 1863 University Charter and liberal legislation on the press of that same time, Prof. Andreyevsky saw the new Russian system of internal governance since the end of the 1860s (the first edition of his *Police Law* was published in 1870) as the beginning of "joint activity of society and government based on positive laws".¹⁴ Kant's theory of the legal state translated itself into *zemstvo* and city representation; the principles of legality were reaffirmed in the reform of the judiciary by the participation of representatives of the people's conscience in criminal trials by jury. The path charted by Kant's teaching on the legal state was embarked on by Russia already with the publication of the Code of Laws and the road traversed by our dear Fatherland is marked by the greatest of all historical monuments, the emancipation of serfs on 19 February 1861, the transformations of *zemstvos* and cities which were awakened from centuries of slumber, the participation of the popular element in the law courts, uncensored press, abolition of the head tax, the salt tax and finally the leveling of the male population in terms of the sacred duty to stand

русского управления начала правовой теории Канта, примененные к системе внутреннего управления Р. ф. Модем. Увлекающийся поклонник реформ шестидесятых годов, участник некоторых работ по их проектированию, напр. относительно университетского Устава 1863 года и либерального законодательства о печати того же времени, проф. Андреевский видел в новой русской системе внутреннего управления с конца шестидесятых годов (первое издание его «Полицейского права» 1870 года) начало «совокупной деятельности общества и правительства, основывающейся на положительных законах»¹⁴. Теория правового государства Канта вылилась практически в представительстве земства и города; начала законности получили новое подтверждение в судебной реформе с участием в суде уголовном присяжных представителей народной совести. На путь, начертанный кантовским учением о государстве правовом, выступила Россия уже изданием «Свода законов», и дорога, в этом направлении пройденная нашим дорогим отечеством, отмечена величайшим из исторических памятников, освобождением крестьян 19 февраля 1861 года, преобразованиями земства и города, пробужденных¹⁵ от вековой своей спячки, участием народного элемента в суде, бесцензурною прессою, финансовою отменю подушной подати, налога на соль и наконец уравнением всего населения мужского в священной обязанности грудью отстаивать, при общей воинской повинности, на поле брани интересы отчизны.

Сто лет прошло, как навсегда умолкли вещи уста философа, националиста¹⁶ по личным своим качествам и привязанностям, но гения всемирного по учению, но вечное не умерло: свободная мысль полетела по всему белу свету и везде, где были люди знания и труда, принесла свою долю пользы, вылилась в желанную форму.

С. В. (едров)¹⁷

1904 г.

Января 16 дня¹⁸.

up, under universal military conscription, to defend the interests of the Fatherland in the battle field.

A hundred years have passed since the prescient voice fell silent of the philosopher, a nationalist¹⁵ in terms of personal qualities and attachments, but a world genius in terms of his teaching, but the eternal has not perished: free thought flew across the wide world and contributed its share wherever there were people of knowledge and labor, translating itself into the desired form.

S.V. (edrov)¹⁶

1904

January 16.¹⁷

Commentaries

¹) The first date here and in the title of the manuscript is given according to the 'Old Style', i.e. the Julian calendar, which was used in Russia until 1918.

²) Early biographies of Kant, written by his contemporaries who knew him well personally, amply confirm this fact. Ludwig Ernst von Borowski (1804, p. 183) wrote the following about Kant's condition: "his head was no longer able to take part in all this chaos. [...]. Nor could he finish his work 'Transition of Physics to Metaphysics' [...]"⁵, as well as "The life of our K. [...] ended after a prolonged period of physical and mental exhaustion"⁶ (*ibid.*, p. 202). Reinhold Bernhard Jachmann (1804, pp. 191-193), after one of his visits with Kant in 1803, confronted the fact that Kant could not remember him and during the conversation his thought "faded out", such that he could not even finish some simple

⁵ "[...] sein Kopf [war] nicht mehr in der Lage, an dem Wirrwarr den mindesten Antheil nehmen zu können [...]. Er konnte auch das lange projectirte Werk 'Übergang der Physik zur Metaphysik' [...] nicht beendigen."

⁶ "Unsers K. Leben [...] endigte sich nach langer Körper- und Geistesschwäche."

Комментарии

¹ Первая дата здесь и в заголовке рукописи указана по старому стилю, то есть по юлианскому календарю, который использовался в России до 1918 года.

² В ранних биографиях Канта, написанных его современниками, хорошо знавшими его лично, можно найти достаточно подтверждений этому факту. Л. Э. Боровски о таком состоянии Канта писал следующее: «...его голова была больше не в состоянии принимать даже малейшее участие в этом хаосе. <...> Он также не смог закончить свой труд “Переход физики к метафизике”...» (Ранние биографии..., 2024, с. 150), а также: «Жизнь нашего К... закончилась после продолжительного физического и духовного истощения» (Там же, с. 161). Р. Б. Яхман во время одного из своих визитов к Канту в 1803 г. столкнулся с тем, что Кант не смог его вспомнить, а мысль его во время беседы «затухала» и он не мог даже некоторые короткие предложения довести до конца (Там же, с. 278–279). Но при этом Яхман отметил, что «у Канта не было и следа душевной болезни, а его состояние было лишь проявлением все увеличивающегося ослабления умственной способности» (Там же, с. 280). Также Яхман указывает, что незадолго до смерти Кант два раза впадал в состояние бессознательности (Там же, с. 289). Наиболее обстоятельно последние годы жизни Канта описал Э. А. К. Васиански. В частности, он вспоминает, что Кант еще в 1799 г., когда его немощь была едва заметна, сказал: «Господа, я стар и слаб, вы должны относиться ко мне как к ребенку» (Там же, с. 312). Описывая последние недели жизни Канта, Васиански отмечает, что Кант был не в состоянии понимать выражения из обыденной жизни, говорил иносказательно, его занятия были «нецелесообразными» (например, несколько раз за минуту перевязывал шейный платок), наконец, он перестал узнавать близких и в феврале 1804 г., пишет Васиански, о Канте «можно было бы сказать, что за

sentences. But he noted that there was “no sign of a mental illness and his state was just a manifestation of growing feeble-mindedness”⁷ (*ibid.*, p. 196). Jachmann points out that shortly before his death Kant twice fell into a state of unconsciousness (*ibid.*, pp. 218-219). The most detailed account of the final years of Kant’s life was given by Ehregott Andreas Christoph Wasianski. He recalls, for example, that as early as 1799 when his frailty was barely noticeable, Kant said: “Gentlemen, I am old and frail, you should treat me as a child”⁸ (Wasianski, 1804, pp. 51-52). Describing the last weeks of Kant’s life, Wasianski notes that Kant could not understand simple everyday expressions, spoke in circumlocutions, his acts were “incongruous” (for example, he re-tied his scarf several times a minute), eventually he stopped recognising his close ones and in February 1804, Wasianski writes, “one could say about Kant that he was already half-dead [...] and in a vegetable state [...]”⁹ (*ibid.*, p. 202).

³The author of the manuscript clearly had inaccurate data about Kant’s biography. Kant delivered his last lecture on 23 June 1796, but in 1798 he was appointed for the eighth time dean of Königsberg University’s philosophical department (see Salikov, Zhavoronkov and Krouglov, 2024, pp. 498-499). *The Contest of the Faculties, Anthropology from a Pragmatic Point of View* and “*On Turning Out Books*” (*Ueber die Buchmacherei, zwei Briefe an F. Nicolai*) were published in 1798, but the really last work published by Kant himself was the afterword for a German-Lithuanian dictionary (1800) (see *ibid.*, pp. 499-500).

⁷“Daher sich bei ihm auch keine Spur von Geisteskrankheiten, sondern nichts als Geistesschwäche äußerte, die sich nach und nach vermehrte.”

⁸“Meine Herren, ich bin alt, und schwach, Sie müssen mich wie ein Kind betrachte.”

⁹“[...] so könnte man doch fast von Kant sagen, er sey einige Tage vor seinem Ende schon halbtodt gewesen [...]. Er vegetirte kaum mehr.”

несколько дней до своей кончины он был уже наполовину мертв... пребывая в растительном состоянии...» (Там же, с. 369–372).

² У автора рукописи имелись явно неточные биографические сведения о Канте. Последнюю свою лекцию Кант прочитал 23 июня 1796 г., но в 1798 г. Кант в восьмой раз стал деканом философского факультета Кёнигсбергского университета (см.: Ранние биографии..., 2024, с. 498–499). В 1798 г. были изданы «Спор факультетов», «Антропология с прагматической точки зрения» и «О книгоделании», но действительно последняя работа, опубликованная самим Кантом, — послесловие к немецко-литовскому словарю — была издана в 1800 г. (см.: Там же, с. 499–500).

³ Отношение Канта к Французской революции нельзя назвать однозначным. См. об этом подробнее: (Круглов, 2021; Жаворонков, 2015).

⁴ Согласно Боровски, Кант знал все сочинения Ж.Ж. Руссо (Ранние биографии..., 2024, с. 147), а в гостиной его дома висела гравюра Руссо (Там же, с. 150).

⁵ В этой мысли Ведров с большей вероятностью следует за Андреевским (ср.: Андреевский, 1874, с. 153).

⁶ Имеется в виду Вольтер, который купил землю с расположенном на ней городом Ферне, где устроил свою усадьбу.

⁷ Теорию правового государства Кант изложил в «Метафизике нравов» (AA 06, S. 309–342; Кант, 2014, с. 301–393). Согласно Г. Еллинеку, Кант стал основоположником собственно теории правового государства (см.: Еллинек, 1908, с. 180). Кант не только обратил внимание на внутреннюю связь государства и права (эта идея встречалась в истории человеческой мысли и до него), но основал свою теорию правового государства на идее категорического императива и таким образом указал на взаимные обязанности властей и подданных, а также на приоритетность личности и ее прав по отношению к государству в конкретно-юридическом плане. При этом приоритетность личности не носит

⁴ Kant's attitude to the French Revolution was controversial. For more see Krouglov (2021) and Zhavoronkov (2015).

⁵ According to Borowski (1804, p. 170), Kant knew all the works of Rousseau, and a Rousseau etching hung in Kant's parlour (*ibid.*, p. 176).

⁶ Vedrov apparently took this idea from Andreyevsky (1874, p. 153).

⁷ The reference is to Voltaire who bought land from the town of Ferney and set up his country estate there.

⁸ Kant set forth his theory of the legal state in *Metaphysics of Morals* (MS RL, AA 06, pp. 309–342; Kant, 1996, pp. 453–481). According to Jellinek (1905, pp. 240–241), Kant was the founder of the theory of the legal state. Kant did not only draw attention to the intrinsic link between the state and law (the idea existed before Kant), but based his theory of the legal state on the idea of the categorical imperative, thus pointing to the mutual obligations of the authorities and the subjects and to the priority of the individual and his rights vis-à-vis the state in concrete legal terms. The priority of the individual is not absolute in conformity with the categorical imperative: the individual and the state restrain themselves for the sake of the common interest. As a result, the citizen does not only formally obey state laws, but is engaged in law-making and is thus able and willing to be responsible for oneself, without which a legal state is impossible (see Baskin, pp. 61–62).

⁹ Cf. "The members of such a society who are united for giving law (*societas civilis*), i.e. the members of a state, are called *citizens of a state* (*cives*). In terms of rights, the attributes of a citizen, inseparable from his essence (as a citizen), are: lawful *freedom*, the attribute of obeying no other law than that to which he has given his consent; civil *equality*, that of not recognising among the *people* any superior

абсолютного характера, следуя именно категорическому императиву: и личность, и государство самоограничивают себя для всеобщего интереса. Как следствие, гражданин не только формально подчиняется государственному закону, но и соучаствует в законодательстве, в силу чего он способен и готов нести ответственность за себя, без чего немислимо правовое государство (см.: Баскин, 1993, с. 61–62).

⁸ Ср.: «Объединенные для законодательства члены такого общества (*societas civilis*), т.е. члены государства, называются *его гражданами* (*cives*), а неотъемлемые от их сущности (как таковой) правовые атрибуты суть: основанная на законе *свобода* каждого не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие; *равенство граждан* — признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот может налагать на него; в-третьих, атрибут гражданской *самостоятельности* — возможность быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, а своим собственным правам и силам в качестве члена общности; следовательно, в правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим» (AA 06, S. 314; Кант, 2014, с. 311). Свобода, согласно Канту, есть «единственное изначальное право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду», и в этом праве заложено природное равенство (AA 06, S. 237–238; Кант, 2014, с. 107–111). Но при этом, как замечает А. Н. Круглов, Кант ни о каком братстве речи в этой связи не ведет (Круглов, 2014, с. 771). Следовательно, высказывание Ведрова о «братстве», скорее всего, является авторской натяжкой, основой для которой служит кантовское определение свободы (AA 06, S. 237; Кант, 2014, с. 107–109).

⁹ Ведров здесь допускает анахронизм: понятие полицейского государства (*Polizeistaat*) (где полиция всемогуща, а человек не имеет прак-

with the moral capacity to bind him as a matter of right in a way that he could not in turn bind the other; and third, the attribute of civil *independence*, of owing his existence and preservation to his own rights and powers as a member of the commonwealth, not to the choice of another among the people. From his independence follows his civil personality, his attribute of not needing to be represented by another where rights are concerned" (*MS RL*, AA 06, p. 314; Kant, 1996, pp. 457-458). Freedom, according to Kant, is "the only original right belonging to every man by virtue of his humanity", the right which encapsulates innate equality (*MS RL*, AA 06, p. 237; Kant, 1996, p. 393). But, as A. N. Krouglov (2014, p. 771) points out, Kant does not mention fraternity in this connection. Consequently, Vedrov's reference to "fraternity" is a stretch based on Kant's definition of freedom (*MS RL*, AA 06, p. 238; Kant, 1996, p. 394).

¹⁰ Vedrov here slips into anachronism: the concept of the police state (*Polizeistaat*) (in which the police is all-powerful and the individual has no rights, hence there is no supremacy of the law as in a legal state) and the police state began to be contrasted with the legal one, according to Kroeschell, in the Biedermeier period, i.e. after Kant's death (Kroeschell, 1993, p. 85). Kant himself saw the task of the police in ensuring "public security, convenience and decency" and believed that it made "the government's business of guiding the people by laws made easier" (*MS RL*, AA 06, p. 325; Kant, 1996, p. 467). Nevertheless, Kant's position, in spite of terminological inaccuracies, is on the whole presented faithfully. For example, Kant opposed violations of the principle of separation of powers, characteristic of the police state: "[...] a people's sovereign (legislator) cannot also be its ruler, since the ruler is subject to the law and so is put under obligation through the law

тически никаких прав, следовательно, нет верховенства закона, как в правовом государстве), а также само противопоставление полицейского государства правовому появилось, по мнению К. Крёшелля, в эпоху бидермайера, то есть после смерти Канта (Kroeschell, 1993, S. 85). Сам Кант задачу полиции видел в том, что она «обеспечивает общественные *безопасность, спокойствие и приличие*», и считал, что она «значительно облегчает правительству его задачу — руководить народом на основе законов» (AA 06, S. 325; Кант, 2014, с. 345). Тем не менее позиция Канта, несмотря на терминологическую неточность, содержательно представлена в целом корректно. В частности, Кант выступал против нарушения принципа разделения властей, несоблюдение которого характерно для полицейского государства: «Властитель народа (законодатель), следовательно, не может быть одновременно *правителем*, так как правитель подчиняется закону и связан им, следовательно, [ограничен] *другим лицом* — сувереном. <...> Наконец, ни властелин государства, ни правитель не могут сами *творить суд*, а могут лишь назначать судей как должностных лиц» (AA 06, S. 316–317; Кант, 2014, с. 319).

¹⁰ Фон Мольте задачу правового государства видел в таком обеспечении защиты и поддержки всем подданным, чтобы каждый мог «развивать все свои силы и преследовать свои разумные цели», то есть в создании равных для всех юридических условий деятельности (Мольте, 1871, с. 2). Само правовое государство, согласно Мольте, имеет своим основанием свободу гражданина преследовать разумные цели (Там же, с. 15).

¹¹ Андреевский считает, что задача государства состоит не только в признании посредством закона за каждым подданным прав, но и в создании посредством полицейской деятельности условий для безопасности и благосостояния (Андреевский, 1874, с. 1).

¹² В рукописи здесь описка: «которого» вместо «который».

by *another*, namely the sovereign. [...] Finally, neither the head of state nor its ruler can *judge*, but can only appoint judges as magistrates” (MS RL, AA 06, pp. 317; Kant, 1996, p. 460).

¹¹ Von Mohl (1866, p. 4) sees the task of the legal state in ensuring protection and support of all the subjects so that each could “develop his powers and pursue reasonable ends”¹⁰, i.e. create equal legal conditions for all. The legal state itself, according to Mohl, has as its basis the freedom of the citizen to pursue reasonable ends (*ibid.*, p. 15).

¹² Andreyevsky (1874, p. 1) holds that the task of the state is not only legal recognition of the rights of each subject, but also the creation of conditions for security and well-being through police activity.

¹³ See Andreyevsky (1874, p. III).

¹⁴ The meaning is unclear because nationalism as an ideological phenomenon in Europe began to gain traction only since the French Revolution, such that it is ideologically incorrect to call Kant a nationalist. Kant linked the concept of “*nation*” (*Nation, gens*) with the concept of “*people*” (*Volk, populus*) as “the number of human beings united in a region, insofar as they constitute a *whole*” and defined nation as the people that recognises itself “as united into a civil whole through common ancestry” (*Anth*, AA 07, p. 311; Kant, 2007, p. 407). Reflecting on the German national spirit, Kant calls national pride and national hatred blind instincts used to divide nations and representing national madness which should be eradicated and their place should be taken by patriotism and cosmopolitanism (*Refl* 1353, AA 15, S. 590–591). Vedrov probably uses the word “nationalist” in the meaning of “patriot”.

¹⁵ The surname is in brackets and crossed out as shown.

¹⁰ “[...] *die Ausbildung ihrer sämtlichen Kräfte und die Verfolgung ihrer vernünftigen Zwecke möglich zu machen* [...]”

¹³ См.: (Андреевский, 1874, с. III).

¹⁴ В рукописи здесь, очевидно, описка: «пробужденными» вместо «пробужденных».

¹⁵ Что здесь имеется в виду, понять трудно. Поскольку национализм как идеологическое явление в Европе начал набирать обороты только со времени Французской революции, называть Канта националистом в идеологическом плане некорректно. Сам Кант понятие «нации» (Nation) связывал с понятием «народа» (Volk), который понимается им как «объединенное на некотором участке земли множество людей, поскольку они составляют одно целое», и определял нацию как народ, признающий себя «соединенным общим происхождением в гражданское целое» (AA 07, S. 311; Кант, 2024, с. 370). В своем размышлении о немецком национальном духе Кант называет национальную гордость и национальную ненависть слепыми инстинктами, которые используются для разделения наций, представляя собой национальное безумие, которое следует искоренить, а их место, согласно максимам разума, должны занять патриотизм и космополитизм (AA 15, S. 590–591 (№ 1353)). Возможно, Ведров употребляет здесь слово «националист» в значении «патриот».

¹⁶ Фамилия взята в скобки и вычеркнута, как показано.

¹⁷ Кант умер 12 февраля, соответственно, данная рукопись была подготовлена за две недели (дата написания указана по старому стилю) до столетия со дня смерти и, вероятно, предназначалась для печати в периодической прессе или для устного выступления.

Список литературы

Андреевский И.Е. От издателя // Неволин К.А. Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб. : Типография Э. Праца, 1857. Т. 1 : Энциклопедия законоведения. С. III–XX.

Андреевский И.Е. Русское государственное право. СПб. ; М. : Издание М. О. Вольфа, 1866. Т. 1.

Андреевский И.Е. Полицейское право : в 2-х т. / 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Типография В. В. Пратц, 1874. Т. 1.

¹⁶ Kant died on 12 February, hence the manuscript was written two weeks (the date is given in 'Old Style') before the centenary of his death and was probably meant to be printed in the press or delivered orally.

References

Andreyevsky, I.E., 1857. From the Publisher. In: K. A. Nevolin, 1857. *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 t.* [Nevolin K. A. Complete Collected Works: In 6 Volumes]. Volume 1. Saint-Petersburg: Tipografiya E. Praca, pp. III-XX. (In Rus.)

Andreyevsky, I. E., 1866. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian State Law]. Volume 1. St. Petersburg & Moscow: Izdanie M. O. Vol'fa. (In Rus.)

Andreyevsky, I. E., 1874. *Policejskoe pravo: v 2-h t.* [Police Law: In 2 Volumes]. Volume 1. St. Petersburg: Tipografiya V. V. Pratts. (In Rus.)

Baskin, Y. Ya., 1993. Kant and the Formation of the Idea of the Legal State in the First Half of the 19th Century in Germany. *Kantian Journal*, 1(17), pp. 61-66. (In Rus.)

Bluntschli, I. C., 1867. *Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik: Seit dem sechzehnten Jahrhundert bis zur Gegenwart. Second Edition.* München: Literarisch-artistische Anstalt der J. G. Cotta'schen Buchhandlung.

Borowski, L. E., 1804. *Ueber Immanuel Kant: Darstellung des Lebens und Charakters Immanuel Kants. Volume 1.* Königsberg: bey Friedrich Nicolovius.

Eryomin, A. V., 2020. B. V. Nikolsky: A Forgotten Name in Science. *Kriminalist*, 3(32), pp. 17-23. (In Rus.)

Golubinsky, F. A., 1884. *Leksii filosofii professora Moskovskoy dukhovnoy akademii F.A. Golubinskogo* [Lectures of Philosophy by Professor of the Moscow Theological Academy F. A. Golubinsky]. Volume 1. Moscow: L. F. Snegirev. (In Rus.)

Jachmann, R. B., 1804. *Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund.* Königsberg: bey Friedrich Nicolovius.

Jellinek, G., 1905. *Das Recht des modernen Staates. Volume 1. Second Edition.* Berlin: O. Häring.

Kant, I., 1996. *The Metaphysics of Morals (1797).* In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy.* Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-603.

Kant, I., 2007. *Anthropology from a Pragmatic Point of View.* Translated by R. B. Loudon. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education.* Edited by G. Zöllner and R. B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227-429.

Баскин Ю. Я. Кант и формирование идеи правового государства в первой половине XIX века в Германии // Кантовский сборник. 1993. № 1 (17). С. 61–66.

Блунчли И. К. История общего государственного права и политики от XVI века по настоящее время / пер. с нем. О. Бакста и М. Новосельского. СПб. : Изд-е О. И. Бакста, 1874.

Введенский А. И., Рожин Д. О. «Великий рационалист»: Алексей Введенский о Канте в контексте русской кантианы // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 1. С. 149–180. doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-7.

Ведров С. В. Иван Ефимович Андреевский (Некролог). СПб. : тип. Дома призрения малолет. бедных, 1891.

Ведров С. В. [Рец. на кн.] Полицейское право. [Соч.] Профессора Императорского С.-Петербургского университета В. Ф. Дерюжинского. (Пособие для студентов. СПб., 1903 г.). СПб. : Типо-лит. М. П. Фроловой, [1904].

Голубинский Ф. А. Лекции философии профессора Московской Духовной Академии Ф. А. Голубинского. М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1884. Вып. 1.

Эллинек Г. Общее учение о государстве / 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд. С. И. Гессеном. СПб. : Н. К. Мартынов, 1908.

Ерёмин А. В. Б. В. Никольский: забытое имя в науке // КриминалистЪ. 2020. №3 (32). С. 17–23.

Жаворонков А. Г. Кант, Ницше и Великая французская революция // Историко-философский ежегодник. 2015. Т. 30. С. 174–190.

Кант И. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. Т. 5, ч. 1. С. 19–474.

Кант И. Антропология в прагматическом отношении // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова и В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 1 : Соч. по антропологии / под ред. А. Г. Жаворонкова. С. 162–396.

Круглов А. Н. Ранняя рецепция «Первых метафизических оснований учения о праве» Канта в России (конец XVIII – первая половина XIX веков) // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. Т. 5 : Метафизика нравов. Ч. 1. С. 723–825.

Круглов А. Н. Кант как немецкий теоретик французской революции: возникновение догмы в марксистско-ленинской философии // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 3. С. 63–92. doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-3.

Kroeschell, K., 1993. *Deutsche Rechtsgeschichte. Second Edition. Volume 3: Seit 1650.* Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.

Krouglov, A. N., 2014. Early Reception of Kant's First Metaphysical Foundations of the Doctrine of Law in Russia (Late 18th and First Half of the 19th Centuries). In: I. Kant, 2014. *Sochinyiya na nemetskom i russkom yazykakh [Works in German and Russian Languages]. Volume 5, Part 1.* Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitaciya", pp. 827-970. (In Rus.)

Krouglov, A. N., 2021. Kant as the German Theorist of the French Revolution: The Origin of a Dogma. *Kantian Journal*, 40(3), pp. 63-92. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-3-3>

Mohl, R. von, 1866. *Die Polizei-Wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates. Volume 1.* Tübingen: Verlag der H. Laupp'schen Buchhandlung.

Nevoln, K. A., 1857. *Polnoe sobranie sochinenij: v 6 t. [Complete Collected Works: In 6 Volumes]. Volume 1.* St. Petersburg: Tipografiya E. Prattsa. (In Rus.)

Nikolsky, B. V., 2015a. *Dnevnik. 1896–1918: v 2-h t. [Diary. 1896-1918: In 2 Volumes]. Volume 1.* Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Rus.)

Nikolsky, B. V., 2015b. *Dnevnik. 1896–1918: v 2-h t. [Diary. 1896-1918: In 2 Volumes]. Volume 2.* Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Rus.)

Polenov, B. K., 1896. Vedrov. In: *Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelei imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za istekshuyu tret'yu chetvert' veka ego sushchestvovaniya. 1869–1894 [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial St. Petersburg University for the Past Third Quarter of a Century of Its Existence. 1869-1894].* St. Petersburg: Tip. i lit. B. M. Vol'fa, pp. 133-134. (In Rus.)

Rozhin, D. O., 2021. Reception of Kant's Epistemological Ideas in Fyodor Golubinsky's Metaphysics. *Kantian Journal*, 40(1), pp. 97-123. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-1-3>

S.V., 1904. Stat'ya S. V. po povodu 100-letiya smerti Immanuila Kanta [Article by S. V. on the Occasion of the 100th Anniversary of the Death of Immanuel Kant]. In: *State Archive of the Russian Federation (GARF). Coll. 588 (Boris V. Nikolsky). Inv. 1, № 1359.* (In Rus.)

Salikov, A. N., Zhavoronkov, A. G. and Krouglov, A. N., eds. 2024. *Rannie biografii Kanta: L. E. Borovski, R. B. Yahman, E. A. Ch. Wasianski, F. T. Rink i "Kantiana" R. Reicke [Early Biographies of Kant: L. E. Borowski, R. B. Jachmann, E. A. Ch. Wasianski, F. T. Rinck, and R. Reicke's "Kantiana"]*. Translated from German by A. N. Salikov and A. G. Zhavoronkov, Commentary by A. N. Krouglov. Moscow: IKBFU Press; Centr gumanitarnykh iniciativ. (In Rus.)

Моль Р. фон. Наука полиции по началам юридического государства / пер. с 3-го изд. Р. Сементковского. СПб. : Печатня В. И. Головина, 1871. Вып. 1.

Неволин К. А. Энциклопедия законоведения // Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб. : Типография Э. Праца, 1857. Т. 1.

Никольский Б. В. Дневник. 1896—1918 : в 2 т. / изд. подг. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015а. Т. 1 : 1896—1903.

Никольский Б. В. Дневник. 1896—1918 : в 2 т. / изд. подг. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015б. Т. 2 : 1904—1918.

[Поленов Б. К.] Ведров // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894. СПб. : Типография и Литография Б. М. Вольфа, 1896. С. 133—134.

Ранние биографии Канта: Л. Э. Боровски, Р. Б. Яхман, Э. А. Кр. Васиански, Ф. Т. Ринк и «Кантиана» Р. Райке / пер. с нем. А. Н. Саликова под ред. А. Г. Жаворонкова ; предисл. А. Н. Саликова, А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова ; коммент. А. Н. Круглова. Калининград ; М. : Изд-во БФУ им. И. Канта ; Центр гуманитарных инициатив, 2024.

Рожин Д. О. Рецепция гносеологических идей И. Канта в метафизике Ф. А. Голубинского // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 1. С. 97—123. doi: 10.5922/0207-6918-2021-1-3.

[Сементковский] Р. Предисловие переводчика // Моль фон Р. Наука полиции по началам юридического государства / пер. с 3-го изд. Р. Сементковского. СПб. : Печатня В. И. Головина, 1871. Вып. 1. С. I—IX.

Сементковский Р. Предисловие к русскому изданию // Ланге Ф. А. Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем / пер. с 4-го нем. изд. А. Б. Блёка ; предисл. Р. И. Сементковского. СПб. : Типография газеты «Новости», 1892. С. I—VI.

Статья С. В. по поводу 100-летия смерти Иммануила Канта, 1904 // ГАРФ. Ф. 588 (Б. В. Никольский). Оп. 1. Д. 1359. 4 л. [1904].

Стогов Д. И. Б. В. Никольский и Б. А. Садовской об императоре Александре III // Русско-Византийский вестник. 2020. №1 (3). С. 270—285.

Шимбирёва О. А. Революция 1917 г. глазами монархиста: читая дневник Б. В. Никольского // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 4. С. 118—125.

Kroeschell K. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 1993. Bd. 3 : Seit 1650.

Sementkovsky, R., 1871. Preface of the Translator. In: R. von Mohl, 1871. *Nauka policii po nachalam yuridicheskogo gosudarstva* [Police Science on the Principles of the Legal State]. Volume 1. Translated from German by R. Sementkovsky. St. Petersburg: Pechatnya V. I. Golovina, pp. I-IX. (In Rus.)

Sementkovsky, R., 1892. Preface to the Russian Edition. In: F. A. Lange, 1892. *Rabochij vopros, ego znachenie v nastoyashchem i budushchem* [The Problem of the Worker and its Meaning for the Present and Future]. Translated from German by A. B. Blyok, with preface by R. I. Sementkovsky. St. Petersburg: Tipografiya gazety “Novosti”, pp. I-VI. (In Rus.)

Shimbiriyova, O. A., 2019. The 1917 Revolution through the View of a Monarchist: Reading the Diary of B. V. Nikolsky. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: Scientific Research], 4, pp. 118-125. <http://dx.doi.org/10.7256/2454-0609.2019.4.30229> (In Rus.)

Stogov, D. I., 2020. B. V. Nikolsky and B. A. Sadovskoi about Emperor Alexander III. *Russian-Byzantine Herald*, 1(3), pp. 270-285. <http://dx.doi.org/10.24411/2588-0276-2020-10016> (In Rus.)

Vedrov, S. V., 1891. *Ivan Efimovich Andreevsky (Nekrolog)* [Ivan Efimovich Andreevsky (Obituary)]. St. Petersburg: Tip. Doma prizreniya malolet. bednyh. (In Rus.)

Vedrov, S. V., 1904. (Book Review) *Policejskoe pravo. [Sochinenie] professora Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta V. F. Deryuzhinskogo. (Posobie dlya studentov. SPb., 1903 g.)* [Review of the book Police Law. Work by Professor of the Imperial St. Petersburg University V. F. Deryuzhinsky. (Manual for Students. St. Petersburg, 1903)]. St. Petersburg: Tipo-lit. M. P. Frolovoy. (In Rus.)

Vvedensky, A. I. and Rozhin, D. O., 2024. “The Great Rationalist”: Alexey Vvedensky on Kant in the Context of Russian Kantiana. *Kantian Journal*, 43(1), pp. 149-180. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-7>

Wasianski, E. A. Ch., 1804. *Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren. Ein Beytrag zur Kenntniß seines Charakters und häuslichen Lebens aus dem täglichen Umgange mit ihm*. Königsberg: bey Friedrich Nicolovius.

Zhavoronkov, A. G., 2015. Kant, Nietzsche and the French Revolution. *History of Philosophy Yearbook*, 30, pp. 174-190. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Об авторе

Давид Олегович Рожин, кандидат философских наук, Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: DRozhin1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-2598>

Для цитирования:

Рожин Д. О. Кант в русском полицейском праве: неизвестные страницы // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 1. С. 107–131.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-5>

© Рожин Д. О., 2025.

The author

Dr David O. **Rozhin**, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: DRozhin1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4877-2598>

To cite this article:

Rozhin, D.O., 2025. Kant in Russian Police Law: Unknown Pages. *Kantian Journal*, 44(1), pp. 107-131.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-1-5>

© Rozhin D. O., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))